

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ БЕЗ МАРСО?

Конечно, больше всего Анджей Жулавский любит говорить про кино. И говорить о нем он может часами — не остановишь. И гораздо меньше он любит говорить о своей бывшей спутнице жизни Софи Марсо. И его можно понять — он сделал из нее звезду, а она его оставила. Но он не жалеет об этом, замечая: "Женщины — что поделаешь..." И продолжает с удовольствием говорить о кино. Корр. "МК" поробщался с нынешним председателем жюри Московского кинофестиваля накануне подведения финальных итогов.

Анджей Жулавский:
"Теперь у Софи молодой муж, и все!"

— К какой национальности вы себя относите? Вы же родились на Украине, во Львове.
— Нет, я родился в польском городе, оккупированном Советами...
— ...затем жили в Чехословакии, Польше, Франции.
— Прежде всего я был гражданином Европы, а затем уже — поляком.
— Ответственно быть гражданином Европы?
— Возможно, Европа прежде всего — это культура. Культура греков и римлян жива в Европе и по сей день. Не важно, кто ты — датчанин, немец, поляк, — европейская культура распространяется на всех. Нужно понимать, что Европа — территория свободы, причем самая большая в мире. Там гораздо больше свободы, чем в Америке.

Когда-то счастливая пара: Софи и Анджей.

Мы говорим о гражданской свободе, это не та свобода, когда ты можешь безнаказанно убить... Но лучше всего я себя чувствую в Польше.
— В вашей официальной биографии написано — "представитель классической школы европейского кинематографа наряду с Феллини, Висконти, Вайдой". Согласны?
— Понятие классической школы кинематографа — расплывчатое. Есть могучее дерево, которое мы называем "европейское кино". И там огромные ветви: Висконти, Феллини, Вайда. Есть молодые ветви, поскольку дерево дает плоды, затем плоды поспевают, падают и дают новые ростки. Это экспериментальное кино — кино, которое вечно в поиске и зачастую так и не находит себя. Но это же тоже европейское кино, и оно то-

КИНО МОСКОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

же необходимо. Это древо европейского кино питало в себя и кормится гуманным взглядом на существование человека, осознавая общую историю, общую Европу и каждую страну в отдельности, осознавая классическую литературу, живопись, музыку. В таком смысле это — классическое древо. И я горжусь тем, что являюсь малой ветвью классической школы.

— Вы не согласны, что кино умирает?

— Я вам хочу сказать, что, как только родилось кино, про него сразу стали говорить: "Умирает". Кино существовало для бедных, а элитарная публика говорила: "Оно умрет через несколько лет так же, как цирк". И с тех пор не перестают объявлять, что кино умирает. Истина же в том, что кино не умирает, умирают определенные формы кинематографа, которые остаются в прошлом. Умерло немое кино, но кинематограф живет дальше. На наших глазах умирает кино, которое снимают на киноплёнку, и появляется новое — цифровое кино. У кино есть огромное преимущество: оно не вырублено в мраморе раз и навсегда. Кино живо, пластично, поэтому может изменяться. Я вам даю простой пример: мода меняется, но одежда остается. То же самое с кино.

— Как председатель нынешнего жюри ММКФ, просмотрев большую часть программ, вы изменили свое мнение о кино или оно по-прежнему радужное?

— Любый фестиваль — испытание. Я седовласый человек и минимум два раза в год участвую в жюри различных кинофестивалей. Я думаю, что положительная сторона участия в жюри в том, что ты можешь увидеть фильмы, которые больше нигде не появятся. Поэтому, на мой взгляд, фестиваль — это привилегированное место для просмотра картин. При условии, что выбор фильмов в конкурс хороший.

— В Москве — хороший?

— Еще не могу вам сказать, еще рано. На всех фестивалях одна и та же проблема: хотят захватить и то, и се, и пятое, и десятое. Чтобы было

эффектно, зрелищно. И комедии, и фильм с Филлиппин, и авторское кино, и зрительское. И это дает странный коктейль, жюри должно выбрать одно направление. Можно, конечно, представить все, как накрытый стол с разным выбором блюд. Но это мышление не глубокое, не умное.

— В чем вы видите будущее кино?

— Здесь ничего не меняется уже долгое время. Есть европейское кино, есть так называемое авторское кино, оно в основном выглядит таким образом (размахивает руками и головой), когда камера прыгает. У всех этих фильмов очень печальные темы, играют в них просто страшные актеры (оттягивает щеки вниз), и тогда критики говорят: "О, это авторское кино, здесь нужен особый взгляд". Кроме того, есть кино, которое создается для того, чтобы выкачивать деньги. Но, к сожалению, эти картины лучше сняты, и люди там красивые, и музыка хорошая. И есть еще один вид кино. Это технология — то, что толкает кино к новому. И так было всегда, когда появлялись звук, цвет, цифра. Но сейчас эти фильмы чудовищно дороги, но они будут стоить дешевле. И только новые технологии сегодня провоцируют таланты на что-то новое. Сейчас, возможно, кажется, что никаких талантов и нет, но, поверьте, все новое находит таланты.

— Как вы себя чувствовали в роли мужа самой красивой женщины Франции Софи Марсо?

— Что значит как? Прекрасно!

— А как же вы тогда ее отпустили?

— Ну, мы все же 17 лет прожили вместе, у нас сын. И однажды Софи решила пережить молодость, которой со мной, наверно, была лишена. Во всяком случае, она так считала. Актрисы видят, когда партнер стареет, но не замечают собственного старения...

— Женщины...

— Да, женщины... Теперь у Софи молодой муж, и все!

Мария ДАВТЯН.